

Грачи раздора

Анна Мельникова

Введение. Город как арена антропо-зоологического конфликта

Фраза «Грачи раздора» вынесена в заголовок статьи не случайно — она родилась как ассоциативное обобщение многолетних споров в комментариях к публикациям об уничтожении гнездовой грача в городе Бузулуке. Именно эта метафора стала отправной точкой для исследования конфликта человека и природы, или, точнее, конфликта нечеловеческих и человеческих животных. Город исторически конструировался в сознании людей и практике как исключительно антропогенное пространство, цитадель культуры, разума и порядка, принципиально противопоставленная хаосу и стихийности природы. Однако процессы всеобщей урбанизации, сопровождающиеся расширением городских территорий, трансформацией ландшафтов и созданием новых экологических ниш, привели к неожиданному (но лишь для некоторых) результату. Городская среда, вопреки изначальным интенциям, не осталась местом жизни исключительно человека, а стала убежищем и новым домом для множества видов нечеловеческих животных, выработавших стратегии синантропизации — адаптации к жизни рядом с людьми. Одним из наиболее успешных и при этом наиболее проблематизируемых синантропных организмов является представитель семейства врановых — грач (*Corvus frugilegus*). Сложная социальная организация, пластичное поведение и высокий интеллект позволили этой птице идеально приспособиться к условиям антропогенных ландшафтов. Присутствие грача в городском пространстве перестало быть маркером «естественности» или «экологической чистоты», а превратилось в индикатор острейших социальных, этических и экологических противоречий современного города. В спорах вокруг колоний сталкиваются не просто разные мнения или интересы, а радикально различные системы ценностей, способы восприятия реальности и конструирования границ между «своим» и «чужим», «культурным» и «природным».

Среднестатистический средний российский город Бузулук с его 88-тысячным населением и характерной постсоветской структурой (разделение на микрорайоны панельной застройки и исторический центр) представляет собой интересную модель для изучения этого конфликта. Этот конфликт сконцентрирован вокруг самого озелененного четвертого микрорайона и обусловлен регулярной санитарной вырубкой старых насаждений. Снижение числа подходящих мест для гнездований вынуждает колонии грачей перемещаться в этот микрорайон и расположенную там же рекреационную аллею «Дружба». Аллея со взрослыми березами служит точкой притяжения как для жителей микрорайонов, так и для грачей. Высокая концентрация человеческих животных, грачей и других биологических видов не только очевидна при непосредственном наблюдении, но и подтверждается данными гражданской науки в рамках проекта «Биота Оренбуржья» на платформе iNaturalist. В результате столь близкого соседства и кон-

Мельникова Анна Валентиновна, независимый исследователь, специалист в области социокультурного проектирования, локальной идентичности и актуализации культурного наследия, культуры малых городов; Бузулук, Российская Федерация.
E-mail: anna.melnikova@mail.ru

В статье на примере затяжного конфликта вокруг грачиных колоний (*Corvus frugilegus*) в малом российском городе Бузулуке исследуется проблема сосуществования человека и нечеловеческих акторов в урбанизированной среде. Конфликт анализируется не как узкоэкологическая или санитарная проблема, а как мировоззренческий разрыв и ценностное столкновение между антропоцентрическим и биоцентрическим восприятием города. Теоретическую рамку образуют эссе Томаса Нагеля «Каково быть летучей мышью?», проблематизирующее невозможность полной редукции чужого опыта, а также концепции агентности, интенциональности (Уты Юргенс) и континуума «конфликт-сосуществование» (Беатрис Франк). Эмпирическую базу составляет цифровая этнография дискуссий в паблике «Подслушано Бузулук» (2015–2025), интервью с орнитологами и зоозащитниками, а также данные гражданской науки. Демонстрируется, что грачи становятся «объектом раздора», раскрывающим глубинную онтологическую борьбу за право определять город либо как пространство тотального санитарного контроля, либо как многовидовое сообщество. В статье делается вывод, что эффективные стратегии управления конфликтом требуют не силового подавления, а признания агентности грачей, экологического просвещения и перехода от логики уничтожения к этике асимметричного сосуществования. Ключевой вызов для малых российских городов сегодня заключается не в том, чтобы «решить грачиный вопрос» раз и навсегда, а в том, чтобы признать неизбежность такого соседства и превратить конфликт из точки напряжения в ресурс для формирования новой, более ответственной городской экологической политики.

Ключевые слова: конфликт человеческих и нечеловеческих животных; грач; урбанизация; сосуществование человека и дикой природы; синантропизация; интенциональность; Бузулук

Цитирование: Мельникова, А. В. (2026). Грачи раздора, *Городские исследования и практики*, 11(2), 79–91. <https://doi.org/10.17323/usp112202679-91>

курении за любимое пространство аллея аккумулирует и многократно усиливает всю палитру человеческих реакций – от инстинктивного неприятия и агрессии до попыток рационального осмысления, эмпатии и активной защиты. Этот локальный конфликт не уникален, он повторяется от весны к весне в городах со схожими планировками и схемами ухода за городским озеленением. Но также является и отражением глобальной антропо-экологической проблемы: как человеческому виду, достигшему доминирования на планете, научиться сосуществовать с иными видами-компаньонами, не пытаясь ни тотально их уничтожить, ни насильственно очеловечить и не игнорируя их агентность.

Эта статья ставит своей целью провести детальный анализ бузулукского кейса через призму междисциплинарного комплекса современных концепций, объединяющих естественные и общественные науки. Я опираюсь на теорию атрибуции интенциональности животным, концептуализирующую то, как люди приписывают животным сознание и намерения [Jürgens, 2022], концепцию шкалы «конфликт-сосуществование» [Frank, Glikman, 2019], философскую концепцию эпистемологического разрыва [Нагель, 2003] и подходы из области исследований взаимодействия человека и животных, антропозоологию. Мое предположение состоит в том, что «грачиный вопрос» в его современном звучании – это не узковедомственная проблема коммунальной санитарии или прикладной орнитологии, а комплексный этико-экологический вызов, требующий для своего разрешения преодоления глубинного антропоцентризма и пересмотра самих основ отношения человека к Другому в лице городской фауны.

Теоретические рамки: инаковость, интенциональность и разрыв в опыте

Взаимодействие человека и природы, будь то конфликт или мирное сосуществование, проходит по линии, разделяющей нас, человеческих животных, и их – нечеловеческие виды. Это разделение часто провоцирует конфликты между человеком и природой за счет формирования строго антропогенных сред, примером которых служит город. Парадоксально то, что, создавая пространства жизни исключительно для себя, мы стремимся вернуть фрагменты природы в города, создавая скверы, аллеи и парки, тем самым присваивая себе право жить в пространстве природы в одиночестве. И когда в этих очагах природы появляются другие биологические виды, мы воспринимаем их появление как угрозу и стремимся изгнать иных жильцов.

Взаимодействие с потенциально проблемными животными порождает спектр интенсивных и полярных эмоциональных реакций. Наделяя нечеловеческих животных интенциональностью, люди начинают чувствовать себя объектами их целенаправленного поведения. «Интенциональность» в психологии обозначает состояние, в котором существо преследует

цель. Мы склонны воспринимать себя объектами, которым животные-агенты хотят помешать, что является универсальной чертой конфликтов между человеком и дикой природой, которая соопределяется экологией дикой природы и человеческой психологией. То есть проблемные дикие животные бросают вызов человеческому суверенитету над природой. Экстраполируя человеческие намерения на нечеловеческих животных, мы создаем условия для конфликта.

Теоретической рамкой статьи стала теория «конфликт-сосуществование», предложенная Беатриче Франк и Дженни А. Гликман. Исследовательницы утверждают, что взаимодействие человека и дикой природы не является статичной дихотомией, а представляет собой динамический спектр, на одном конце которого находится полное уничтожение нежелательного вида, а на другом – гармоничная коадаптация [Frank, Glikman, 2019, p. 11]. Действия коммунальных служб, вырубаящих деревья с гнездами, отражают установку на тотальный контроль и устранение источника конфликта, что соответствует крайней позиции этого явления. В то же время практики горожан, подкармливающих птиц и выступающих в их защиту в соцсетях, демонстрируют движение навстречу толерантности – готовности мириться с определенными издержками ради присутствия другого вида. Ключевым понятием здесь является «толерантность» – готовность людей мириться с определенными издержками от соседства с дикой природой. Эта толерантность зависит не от устранения всех неудобств, а от переосмысления ситуации: восприятия грачей не как вредителей, а как законных соседей, чье присутствие обогащает городское биоразнообразие. Это переход от вопроса «Как нам избавиться от грачей?» к вопросу «Как нам сделать совместное проживание с грачами максимально бесконфликтным?». Главный вывод Франк и Гликман заключается в том, что переход к сосуществованию осуществляется не через устранение всех неудобств (что утопично), а через их переосмысление, когда экологическая и этическая ценность соседства с дикой природой начинает перевешивать связанные с ним временные неудобства [Frank, Glikman, 2019, p. 9].

Следующей теорией, в рамках которой я рассматриваю конфликт, стало исследование Уты Марии Юргенс. Конфликт в Бузулуке также коренится в фундаментальной склонности человека приписывать диким животным сложные интенции, направленные лично на него: люди проецируют на животных мотивы бунта, угрозы или, реже, установления отношений. Юргенс в статье «Я волк – я прав», опираясь на серию глубинных интервью о волках, врановых и пауках, классифицировала четыре основных мотива взаимодействия: бунт (вызов человеческому порядку), угроза (физическая опасность), реляционность (стремление к отношениям) и непреднамеренность [Jürgens, 2022, p. 11]. В бузулукском кейсе мы видим, как работают эти мотивы: гра-

чей обвиняют в «бунте» («наглые», «террористы») и «угрозе» (антисанитария), тогда как защитники видят в них потенциальных партнеров по «отношениям». Проблема, как отмечает приматолог и этолог Франс де Вааль, заключается в колебании между двумя крайностями: «антропоморфизмом» (приписыванием человеческих чувств) и «антропоотрицанием» — априорным отрицанием наличия у животных каких-либо психических качеств, сходных с человеческими [Waal, 1999]. И то и другое мешает увидеть грача таким, какой он есть, — отличным от человека, но обладающим собственной, нечеловеческой субъектностью и агентностью. На примере Бузулука я покажу, как грачи последовательно описываются в терминах «бунта» и «угрозы»: их называют «наглыми», «террористами», обвиняют в преднамеренном нарушении порядка и чистоты. Такое восприятие, как отмечает Юргенс, особенно характерно для умных и адаптивных видов, чье поведение кажется не случайным, а расчетливым и потому враждебным. Это превращает экологическое взаимодействие в личный конфликт, где грач воспринимается не как животное, следующее инстинкту, а как сознательный оппонент, бросающий вызов власти человека над городским пространством.

Однако подобное приписывание человеческих намерений другим видам порождает когнитивную ошибку. Томас Нагель в своей статье «Каково быть летучей мышью?» обосновал тезис о принципиальной невозможности полностью постичь внутренний опыт другого существа. Мы никогда не сможем узнать, «каково быть грачом». Наши жалобы на их «пронзительные крики» — это взгляд извне, с человеческой колокольни. Для самого грача его голос — это самый сложный инструмент коммуникации, поддержания социальных связей в колонии, координации действий, предупреждения об опасности. Нагель говорит: «Наш опыт предоставляет основной материал нашему воображению, которое, таким образом, ограничено... Все, что я могу себе вообразить, говорит мне лишь о том, как бы почувствовал себя я, если бы вздумал вести себя как летучая мышь. Но я ставил вопрос не так! Я хочу знать, как чувствует себя изнутри сама летучая мышь» [Нагель, 2003, с. 350]. Конфликт усугубляется тем, что мы даже не пытаемся признать существование этого непреодолимого разрыва, оставаясь в плену собственного опыта и проецируя его на другого.

Однако, как подчеркивает Франк, зачастую подобные конфликты маскируют более глубокое противоречие — конфликт между самими людьми по поводу того, как следует обращаться с дикой природой. В Бузулуке столкновение происходит не столько между людьми и грачами, сколько между двумя группами горожан с противоположными ценностными ориентациями: одни отстаивают право на антропоцентрический комфорт и чистоту, другие — право природы на существование в городе. При этом, как справедливо замечает Юргенс, и те и другие склонны к антропоморфизации, будь то де-

монизация («грачи специально мешают нам спать») или романтизация («грачи расстроились из-за вырубки деревьев»). Оба подхода мешают увидеть грача как иное, нечеловеческое существо, действующее в рамках собственной, чуждой нам логики.

Таким образом, путь к разрешению конфликта лежит в признании этого двойного искажения. Необходимо сместить фокус с вопроса «Как нам избавиться от грачей?» на вопрос «Как нам сделать совместное проживание приемлемым для обеих сторон?», что полностью согласуется с аргументацией Франк и Гликман о необходимости включения концепций толерантности и коэзистенции в природоохранную повестку [Frank, Glikman, 2019, p. 8]. Это требует отказа от риторики конфликта, порождаемой приписыванием грачам злого умысла, и перехода к прагматике управления, основанной на экологическом знании, а также признания асимметричной ответственности человека как более мощного агента в городской экосистеме.

Анатомия конфликта: два взгляда на одну птицу в зеркале бузулукского дискурса

Реакции человеческих животных на появление нечеловеческих животных в черте города обнаруживают, что столкновение разворачивается не столько по линии «человек–природа», сколько по линии «человек–человек». Источником напряжения становятся сами горожане, вынужденные делить городские ландшафты с нечеловеческими обитателями и претерпевающие последствия этого соседства.

Но сперва описание проблемного соседа. Прежде чем перейти к анализу конфликта, необходимо дать целостный портрет его главного нечеловеческого участника, избегая как демонизации, так и романтизации. Грач — типичный и высокоорганизованный представитель семейства врановых (*Corvidae*), птица, чья биология и поведенческий репертуар делают ее идеальным кандидатом на роль «проблемного соседа» в урбанизированной среде.

Как подробно описывает Союз охраны птиц России, грач — вид с богатейшей культурно-исторической биографией. В славянской традиции он прочно утвердился в качестве одного из ключевых фенологических маркеров — вестника весны, героя народного праздника Герасима-грачевника (17 марта), с которым связано множество примет и поговорок: «Грач на горе — так и весна на дворе», «Грач прилетел — через месяц снег сойдет». Его экология изначально была тесно связана с человеческой деятельностью: он избегает сплошных лесных массивов, предпочитая мозаичные сельскохозяйственные ландшафты, опушки, перелески. С середины XX века, с реализацией «Сталинского плана преобразования природы» и созданием сети полезащитных лесополос, грач начал активно расширять ареал, образуя многочисленные колонии — грачевники. Современные тенденции — потепление климата, со-

крашение снегового покрова, рост городов с их обилием пищевых отходов — привели к тому, что грачи массово стали оставаться на зимовку значительно севернее своих традиционных ареалов.

Ключевые адаптационные стратегии обуславливают как успех вида, так и остроту конфликта с человеком. Грачи демонстрируют явную колониальность, гнездясь большими плотными группами на ограниченном числе подходящих деревьев или, как показал опыт Харькова 1980-х [Надточий, Зиоменко, 2013, с. 1795], на опорах ЛЭП при отсутствии деревьев, что делает их присутствие видимым, сконцентрированным и потому легко воспринимаемым как «нашествие». Динамичная структура колоний, ежегодное изменение количества и расположения гнезд [Надточий, Зиоменко, 2013, с. 1794] создает у человека ощущение неконтролируемости и масштабности процесса. Эти птицы отличаются высокой пластичностью поведения и высоким уровнем синантропии: способность кардинально менять кормовые стратегии, эффективно использовать антропогенные ресурсы (места скопления отходов, свалки, поля) и осваивать для гнездования искусственные сооружения делает вид чрезвычайно устойчивым к попыткам его «выдавливания» из среды. Как отмечают исследователи, в условиях города грач существенно меняет образ жизни, а твердое покрытие улиц увеличивает дальность его полетов за кормом от колонии [Константинов, Лебедев, 2009, с. 1781]. Грач — одна из самых умных птиц, демонстрирующая высокий интеллект и сложную социальную организацию. Это, пожалуй, самый важный аспект, игнорируемый в публичном дискурсе. Как подчеркивает орнитолог Елена Чернова, процесс обучения птенцов грачей длится несколько месяцев, что является признаком высокоразвитых видов со слабо выраженной интуицией [см. Приложение 1. Интервью]. Это не биологические автоматы, действующие исключительно на основе инстинктов, а существа со сложной системой коммуникации (их вокализация — это своего рода «вежливый и связный разговор»), способностью к социальному обучению и передаче групповых навыков. Именно этот комплекс качеств — явная видимость, поведенческая пластичность и развитый интеллект — с одной стороны, позволяет грачу триумфально выживать в изменяющемся мире человека, а с другой — провоцирует наиболее острую эмоциональную реакцию со стороны горожан. Его поведение воспринимается не как слепая сила природы, а как осознанное, расчетливое и потому особенно «наглое» вторжение иного агента в суверенное человеческое пространство.

Ядро конфликта раскрывается в публичном поле, и наиболее репрезентативной площадкой для его анализа является местное сообщество «Подслушано Бузулук» в социальной сети «ВКонтакте» (122,5 тыс. участников) и телеграме (33,3 тыс. участников). Тщательный анализ постов и комментариев за десятилетний период (2015–2025) показывает сложный

и поляризованный эмоциональный ландшафт, сформировавшийся вокруг темы грачей. Эмоциональный настрой комментаторов можно разделить на четыре четко выраженных блока: агрессия и неприятие; ирония, сарказм и цинизм; возмущение и защита; рациональный прагматизм.

Значительная часть комментаторов проявляют агрессию и демонстрируют открытую враждебность и антропоцентрическую позицию. Для этой группы характерны лексика дегуманизации и демонизации: использование слов «твари», «воронье», «террористы», сравнение с фильмом Альфреда Хичкока «Птицы». Это свидетельствует о том, что грачи воспринимаются не просто как помехи, а как сознательный, враждебный агент. Часть комментаторов призывает уничтожить птиц, либо одобряет их уничтожение. Эмоциональная основа этих высказываний — гнев, отвращение и фрустрация, вызванные снижением привычного уровня комфорта и ухудшением санитарных условий. Уничтожение обосновывается их негативным воздействием на город («обосрали всё», «источник шума»), что позволяет оправдать их вытеснение за пределы города.

Ироничный и саркастичный пласт настроений служит инструментом дистанцирования от проблемы и обесценивания позиции оппонентов. Часть бузулчан высмеивает проблемы, оставляя комментарии наподобие «Просто будьте на позитиве и будет вам счастье», «Какие мы нежные», которые, по сути, являются защитной реакцией, маскирующей нежелание разрешать сложный этический конфликт. Часть горожан обесценивает проявление сострадания, задавая риторические вопросы («Грача жалко?», «А за мышей свечи ставить?») и обвиняет собеседника в гипертрофированной чувствительности в ущерб людским проблемам («На людей всем наплевать!»). Это отражает мировоззренческий раскол между антропоцентрическим и биоцентрическим взглядами.

На противоположном полюсе находится значительная группа пользователей, чьи сильные негативные эмоции направлены не на птиц, а на действия самих людей. В данном блоке комментариев, направленных на защиту птиц, преобладает мотив морального осуждения. Люди используют яркую эмоциональную лексику для описания действий коммунальных служб и жестоких людей — «варвары», «нелюди», «живодерство». Ключевые эмоции здесь — шок, негодование и стыд за действия других людей. Через обращение к эмпатии и антропоморфизацию горожане проецируют на грачей человеческие чувства и состояния — «Птицы с ума сходят», «Ищут свои гнезда», «Бедные птички». Это служит мощным эмоциональным инструментом для мобилизации сочувствия и поддержки, хотя и с научной точки зрения является наивным антропоморфизмом. К этому же блоку комментариев можно отнести высказывания, выражающие глубокую тревогу по поводу нарушения природного баланса. Бузулчане связывают уничтожение грачей с более широкими процессами

экологической деградации («Город превратится в настоящую степь», «Где жить и чем питаться птицам?»). Это отражает не просто жалость к конкретным птицам, но и серьезные опасения по поводу вмешательства в экологию.

Немногочисленная, но значимая группа комментаторов дистанцируется от эмоционального противостояния и предлагает прагматичные решения. Горожане критикуют неэффективность предлагаемых действий и указывают, что уничтожение гнезд бесполезно («Грачи снова отстроят») и лишь вредит деревьям. Жители предлагают искать решения, учитывающие интересы обеих сторон (замена пород деревьев, установка ультразвуковых отпугивателей, перенос сроков работ). Это свидетельствует о настроенности на диалог и поиск способов сосуществования, а не уничтожения.

Подводя промежуточные итоги, можно констатировать, что сообщество расколото на две полярные группы с разными системами ценностей: антропоцентрической (комфорт человека и чистота среды превыше всего) и биоцентрической (право природы на существование в городе).

В первой группе доминирует антропоцентрический нарратив, в котором грач – деструктивный разрушитель спокойствия и порядка. В этом дискурсе, часто преобладающем в институциональных практиках (действия коммунальных служб), грач последовательно конструируется как источник дискомфорта, хаоса, загрязнения и угрозы установленному человеческому порядку. Его присутствие интерпретируется в терминах агрессии, патогенности и умышленного посягательства на суверенитет человека над городским пространством.

Для представителей этой группы грач выступает символом загрязнения и антисанитарии. Наиболее частые и эмоционально заряженные жалобы: «Испачкан весь грачами», «Круглосуточно оружие грачей», «Заливают деревья пометом, в результате чего они засыхают». Птичий помет и громкие звуки колонии трактуются не как естественные и неизбежные проявления жизнедеятельности иного биологического вида, а как источники антисанитарии, последствия преднамеренного вандализма и злонамеренного нарушения тишины. В посте от 1 апреля 2022 года пользователь жалуется на невозможность пройти к городской больнице из-за запаха и помета, требуя «срочно» вырубить деревья [анализ постов]. Ключевой концепт здесь – «мешают», который сводит сложное экологическое взаимодействие к простой помехе для человеческой деятельности.

Гораздо более показателен пласт высказываний, в которых грачи воспринимаются как иррациональная, почти трансцендентная сила, бросающая вызов человеческому контролю. Комментарии вроде «грачи-террористы» [анализ постов] или сравнение с фильмом Хичкока «Птицы» указывают на глубокую экзистенциальную тревогу, вызванную массовым, неконтролируемым и «разумным» присутствием нечеловеческих акторов. Как точно отмечает Ута Ма-

рия Юргенс в своем исследовании, люди склонны приписывать животным сложные намерения, и один из ключевых мотивов – «бунт» – восприятие поведения животного как осознанного вызова человеческой гегемонии [Jürgens, 2022, p. 9]. В посте от 25 ноября 2018 года анонимный пользователь прямо заявляет: «Птицы разносят холеру, оспу, дифтерию», призывая к их уничтожению, как в «нормальных городах». Это классический пример конструирования образа врага через нарратив заразы и угрозы.

В нарративе «грач-вредитель» существование птицы сводится к одной-единственной негативной функции: «источник грязи», «источник шума», «вредитель». Этот подход, игнорирующий сложность, целостность и экологическую роль животного, методологически родственен философской критике редукционизма, которую Томас Нагель направлял против попыток свести все богатство сознания к простым физическим или химическим процессам. Птица воспринимается не как целостное существо, а как совокупность проблемных аспектов, подлежащих устранению.

Сторонники биоцентрического подхода, в рамках которого грач рассматривается как жертва, сосед и объект заботы, высказывают противоположное мнение. Чаще всего оно звучит из уст зоозащитников, экологов и комментаторов-экозащитников. Они стремятся сместить фокус с человеческого комфорта на право животного на существование и его самоценность, апеллируя к аргументу об экологической значимости вида. Подчеркивается утилитарная, но важная функция грачей: уничтожение насекомых-вредителей, личинок майских жуков. Их представляют как важное и незаменимое звено городской экосистемы, исчезновение которого может привести к непредсказуемым нарушениям экологического баланса. «Если его убрать из города, то нарушится биологическая цепочка», – предупреждает орнитолог Елена Чернова [см. Приложение 1. Интервью]. Ключевым и наиболее значимым аргументом становится нарратив о праве на жизнь через апелляцию к этике: «Грачи тоже птицы», «Грачи тоже имеют право жить», «У грачей тоже есть семья». Это прямая оппозиция антропоцентризму, утверждающая, что ценность живого существа не зависит от его полезности или удобства для человека. В комментариях под постом о спиливании деревьев с гнездами звучат возмущенные вопросы: «Птицы здесь не причем, им тоже нужно где-то жить» (Е.Д.), «Когда ж вы “переведетесь”, такой вид “человечества”...» (Т.) [анализ постов]. Защитники часто, сознательно или нет, наделяют грачей человеческими чертами: интеллектом, эмоциями, способностью к благодарности (отсылка к заголовку статьи «Вороны благодарят за заботу и приносят подарки»), а также способностью испытывать страдания и родительскую привязанность («Им больно», «У грачей есть дети»). Это, по определению Франса де Ваала,

«наивный антропоморфизм», который, хотя и может быть неточным со строго научной точки зрения, служит мощным психологическим и риторическим инструментом для формирования эмпатии и преодоления пропасти между человеком и животным» [Waal, 1999]. Песня группы «Любэ» «Не губите, мужики», цитируемая в комментариях, работает именно в этом ключе, вызывая эмоциональный отклик.

Количественный и качественный анализ постов о грачах демонстрирует то, какие сильные эмоции вызывают подобные публикации: от ненависти и отвращения до сострадания и желания защитить птиц. Однако важно отметить, что обсуждения проблем птиц проходят с меньшим вовлечением по сравнению с постами о животных. При этом, несмотря на агрессивную риторику активного меньшинства, количественный анализ лайков и реакций показывает, что симпатии большей части аудитории паблика находятся на стороне грачей и их защитников. Биоцентрический нарратив часто явно доминирует (в большинстве постов соотношение голосов в пользу грачей составляет 3:1 и выше). Защитники птиц используют экологические аргументы и ссылки к историческому опыту: «Ну-ну... В Китае вон уже воевали с воробьями, чем дело кончилось, известно...» (Е. М.), апеллируют к примерам из искусства и литературы, пытаются обращаться к логике и нередко прибегают к сарказму, гиперболизируя проблему и доводя позицию оппонентов до абсурда: «Давайте устроим свою “резню по-бузулукски” всем грачам, воронам ну и воробьям заодно, ибо не фиг по утрам чирикать, а то ишь разлетались здесь, раскаркались-расчирикались» (Е. М. 2018). Прагматичные голоса, предлагающие решения, тонут в этом шуме, что свидетельствует о низком уровне готовности к сложному, системному обсуждению проблемы на платформе. Анализ сделан на основе подсчета комментариев и реакций (лайков) в паблике «Подслушано Бузулук». Для более детального представления структуры конфликта приведем приблизительное соотношение сторонников и противников грачей:

- сторонники грачей (пользователи, выражающие эмпатию и осуждающие жестокость): ~ 75–85%;
- противники грачей (те, кто выступает за их уничтожение, выражает агрессию и раздражение): ~ 15–25%.

Для сторонников птиц характерны следующие высказывания: «Бедные птицы!», «Варвары!», «Это же живое!». Основные аргументы строятся на апелляции к этике, праву на жизнь, экологической роли животных и жестокости методов уничтожения. Противники грачей чаще всего употребляют фразы: «Твари эти», «Обосрали всё», «Уничтожить», «Пусть убираются». В качестве аргументов приводится бытовой дискомфорт (грязь, шум), нарушение эстетики пространств города, которые, по мнению этой категории пользователей, перевешивают всю экологическую пользу, а в ряде случаев последняя и вовсе отрицается.

Анализ выборки публикаций из паблика «Подслушано Бузулук» за исследуемый период позволяет выявить комплекс связанных между собой городских проблем, служащих почвой для возникновения конфликтов.

В 2025 году был опубликован пост от 6 апреля с подробным обсуждением вырубки деревьев в соцсети «ВКонтакте» и телеграме, иллюстрирующий накопленное раздражение от нерациональной вырубки деревьев, от которой страдают как сами горожане, так и животные. В этом же году обсуждение грачей впервые произошло в дублере группы в телеграме; примечательно, что среди комментариев на этой площадке преобладали высказывания, содержащие негативную оценку этого события.

Пик публикационной активности пришелся на 2018 год. С этого года в общественном дискурсе появляется тема комфортных городских пространств, горожане обсуждают перспективы развития парков и аллей, Бузулук подает заявку на Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды. И этот же год – время наивысшей активности, когда «проблема грачей» стала именем нарицательным и употреблялась с сарказмом в адрес человека, не уважающего личные границы других людей. Обсуждаемая тема глубоко укоренилась в локальном дискурсе, иногда выливалась в стихотворные соревнования. В 2018 году произошло повышение цен на общественный транспорт, и у бузулукчан появилась устойчивая аналогия «грачи = водители маршруток». После весеннего субботника на городском кладбище разгорелась дискуссия: кому забрать оставленные конфеты – бездомным или грачам? Подавляющее большинство комментаторов выступило за людей. В этот же год, 25 ноября, был опубликован пост с самыми радикальными за все время призывами к уничтожению птиц (126 комментариев).

Вторым по значимости пиком обсуждений конфликта между горожанами и грачами стал 2022 год. В этом году была благоустроена прогулочная аллея «Дружба», но процесс ремонта привел к засыханию десятка берез с гнездами грачей, что сказалось как на птицах, так и на людях. Прогулки по алее стали менее комфортными из-за отсутствия привычной тени, а грачи были вынуждены перемещаться в другие районы города, доставляя неудобства тем группам горожан, которых ранее эта проблема не касалась. Дискуссия об этичности отношения к птицам, важности озеленения снова была поднята в публичном поле, что вызвало крайне поляризованные обсуждения.

Таким образом, наибольшая публикационная активность пришлась на годы, когда активизировались дискуссии о появлении благоустроенных парков (природы) в городе. При этом суть конфликтов сводилась к спорам о том, кто «хозяин в городе». Публикация за 2025 год показывает, что проблема не теряет актуальности и продолжает вызывать острые публичные дискуссии.

Между отторжением и заботой: спектр практик взаимодействия

Конфликт дискурсов материализуется в конкретных практиках — от жестоких до спасительных. Эти практики отражают два противоположных взгляда на сосуществование нечеловеческих и человеческих животных. Первые говорят о необходимости вытеснить неконтролируемую природу, вторые призывают к толерантности и сосуществованию.

Сторонники немедленных действий демонстрируют радикальное неприятие птиц, высказываясь в пользу их уничтожения и переходя от слов к действию. В посте от 19 февраля 2023 года пользователь возмущается поведением «ненормального в 4-м микрорайоне, который стреляет в птиц». Это крайняя, маргинальная, но реально присутствующая форма насилия иллюстрирует переход к прямым физическим действиям по уничтожению птиц. Наиболее распространенный и «легитимный» метод уничтожения и модификации среды обитания птиц — это вырубка деревьев в период гнездования, что наблюдалось в Бузулуке у финансового колледжа весной 2025 года. Выбор субботы и воскресенья для работ говорит о понимании неэтичности подобных действий.

Их оппоненты высказываются о необходимости выработки толерантности к природе в городе. Они пропагандируют важность заботы о других биологических видах и призывают к мирному сосуществованию. Защитники птиц не ограничиваются участием в полемике: они переходят к конкретным действиям, берут на себя уход за ранеными и предлагают инициативы, направленные на сохранение городского биоразнообразия. Опыт центра «Воронье гнездо» в Москве, описанный волонтером Еленой Исаевой, показывает, что помощь требует не просто сострадания, но глубокого уважения к инаковости раненых. Это длительный процесс: птенцы долго учатся есть самостоятельно, им требуется социализация в вольерах с другими птицами, в том числе и с невыпускаемыми инвалидами, которые «учат их быть взрослыми, полноценными, самостоятельными грачами» [см. Приложение 1. Интервью]. Это практика невмешательства («Забросил еду и ушел»), чтобы птицы не оставались ручными.

Некоторые пользователи выступают за символическое принятие, терпимость, апеллируя к культурной традиции («Грачи прилетели» Саврасова) или к печальному опыту Китая, где уничтожение воробьев привело к экологической катастрофе.

Практически все защитники животных отмечают важность просвещения и образования. Именно оно, по мнению всех опрошенных экспертов, становится ключевым методом выработки практик сохранения. «Лекции, какие-то образовательные мероприятия, статьи <...> люди начинают узнавать о птицах больше. <...> А те, кому неинтересно, по крайней мере перестают птицам так или иначе вредить», — констатирует Елена Исаева [см. Прило-

жение 1. Интервью]. Отсутствие такой работы в современных школах, по мнению Татьяны Суржинской, выросшей в Бузулуке 1980-х, — ключевая причина жестокости [см. Приложение 1. Интервью]. Освещение практик сосуществования помогает защитникам природы продемонстрировать, что дикая природа может процветать в антропогенных ландшафтах и что большую часть времени люди мирно соседствуют с дикой природой или конкурируют за пространство, не называя такие взаимодействия конфликтами.

Ключевой вклад в развитие практик толерантности вносит гражданская наука. Первый Всероссийский учет грачевников, инициированный Союзом охраны птиц России в 2025 году, — это блестящий пример того, как можно трансформировать конфликт в коллективную исследовательскую деятельность [Союз охраны птиц, 2025]. Люди не уничтожают грачей, а считают их, учатся наблюдать, получают сертификаты. Это практика превращения из противника в соисследователя. Социальная сеть для любителей природы iNaturalist, построенная на идее картографирования и описания наблюдений за биоразнообразием Земли, привлекла 2081 наблюдения за биотой Бузулукского района от 77 наблюдателей. Всего же по Оренбургской области на октябрь 2025 года зафиксировано 24 705 наблюдений. К аналогичным проявлениям гражданской науки относятся специализированный проект ebird, онлайн-дневники наблюдений птиц, многочисленные группы в соцсетях (например, «One day — one bird»), проекты «Международный день наблюдений птиц» и другие проекты.

Орнитолог Елена Чернова предлагает радикально пересмотреть саму оптику восприятия: «Не существует никакого конфликта с грачами. Грач не конфликтная птица, люди его не интересуют. <...> Людям надо радоваться тому, что у них живет еще один вид по соседству, это ценность» [см. Приложение 1. Интервью]. Эта точка зрения напрямую перекликается с концепцией «континуума конфликт-сосуществование» Беатрис Франк, где конфликт — лишь одна из точек на широкой шкале, а идеалом является взаимная коадаптация и движение к толерантности.

Гражданская наука и ее просветительская роль в значительной степени способствуют интеграции идеи толерантности к сосуществованию в дискурсе конфликта человека и природы, что ведет к смягчению антагонизма и разделения между ними. Ярким примером снижения градуса конфликта выступает екатеринбургский проект, начатый представителем классической науки, кандидатом биологических наук Ниной Садыковой и переросший в просветительский и исследовательский проект «НатУРАЛист». В ходе экскурсий организаторы показывают, какие птицы и насекомые живут вокруг, а полученные и собранные экскурсантами данные ложатся в основу будущих проектов зеленых зон. По состоянию на август 2025 года Екатеринбург стал одним из са-

мых хорошо изученных с орнитологической точки зрения городов России.

В примере выше описана роль Нины Садыковой в развитии орнитологии отдельно взятого города. С целью анализа персональных нарративов я пообщалась с тремя специалистами, работающими с птицами. Активные обсуждения проблем, связанных с грачами, создают парадоксальную ситуацию: городские службы вынуждены реагировать на поступающие жалобы о шуме и загрязнении территории, тогда как защитники птиц лишены инструментов влияния, поскольку грачи «нарушают установленные нормы благоустройства». Ситуация неравноправия вынуждает сторонников птиц апеллировать к эмоциям, создавая в комментариях «эффект большинства» через цифровой шум — стратегию, удивительно напоминающую поведение самих грачей, которые своей численностью и шумом компенсируют уязвимость перед системой.

В этом вакууме право голоса делегируется экспертам-орнитологам, которые берут на себя роль переводчиков с «языка» птичьих сообществ, поскольку чиновники действуют в логике норм благоустройства, игнорируя и птиц, и их защитников — ведь ни те, ни другие не говорят на понятном им языке закона. Не обладая глубоким пониманием сложной биологии и поведения птиц, люди доверяют экспертам роль переводчиков с «языка» птичьих сообществ, интересы которых не могут быть представлены иначе. Таким образом, аргументы специалистов становятся единственным мостом через эпистемологическую пропасть, отделяющую человеческий опыт от мира дикой природы.

Три интервью представляют три перспективы — от макроуровня экосистемы до микроуровня конкретного двора, — образуя многомерную картину конфликта. Сотрудник координационного центра Союза охраны птиц России, орнитолог Елена Чернова благодаря своей экспертности выступает как «ученый-адвокат» и защитник биоценоза, отстаивающий право грачей на городское пространство с позиций экологической целесообразности. Ее ключевые тезисы — «Не существует никакого конфликта с грачами» и «Города, в которых есть грачевники, счастливые» — предлагают парадигмальный сдвиг в восприятии, где птицы становятся индикатором качества городской среды. Елена считает, что конфликт не объективен, а сконструирован людьми. Горожанам надо принять как данность тот факт, что присутствие дикой природы не наказание, а показатель качества городской среды и повод для гордости.

Волонтер московского центра «Воронье гнездо» Елена Исаева представляет прагматичный подход реабилитолога, ищущего баланс между интересами людей и птиц. Ее позиция, выраженная в тезисе «Люди имеют право быть недовольными. <...> Вопрос в том, как наиболее гуманно эту проблему решать», становится мостом между противоборствующими сторонами. Через практи-

ческую работу центра «Воронье гнездо» она демонстрирует возможность коэволюции — постепенного приспособления друг к другу разных видов в городском пространстве. Ее позиция, сформированная благодаря опыту работы, является важным мостом между полярными точками зрения — она признаёт дискомфорт, который причиняют птицы, и не требует от людей слепой любви. Елена не становится на чью-либо сторону, а ищет гуманный компромисс. На данный момент авторитетное мнение Исаевой могло бы стать идеальной отправной точкой для диалога о сосуществовании людей и птиц, поскольку признание прав людей и причиняемого им дискомфорта не менее важно, чем защита птиц.

Координатор бузулукского АНО защиты животных «Веста» Татьяна Суржинская, напротив, сталкивается с полным непониманием как со стороны горожан, так и со стороны чиновников. Она воплощает взгляд разочарованного практика. Татьяна считает, что экология Бузулука деградирует, а ее мрачный взгляд выгоревшего активиста-зоозащитника не оставляет пространства для решения проблем. Для Татьяны корень проблемы не в незнании, а в глубинном, почти инстинктивном антропоцентризме и жестокости людей. Она не верит в быстрое исправление ситуации через просвещение, так как видит, что проблема лишь усугубляется из поколения в поколение. Елена отмечает снижения числа волонтеров движения, рассказывает, что «люди не верят, что им можно помочь». Такой безапелляционный подход и усталость не дают «Весте» стать инициатором изменения ситуации. АНО добровольно устранилось из публичного поля обсуждение проблем отношений людей и животных, однако осталось экспертным сообществом, помогающим больным и раненым животным и занимающимся стерилизацией бродячих кошек и собак.

Знания, которые мы получаем благодаря просветителям, в конечном итоге повлияют на то, какую форму примет взаимодействие человека и дикой природы — форму конфликта или мирного сосуществования.

Уроки соседей: Беларусь между варварством и законодательным прогрессом

Как уже отмечалось выше, конфликт между человеком и грачом не является уникальным достоянием Бузулука, а представляет собой типичный для постсоветского урбанистического ландшафта кейс. Показателен пример екатеринбургского проекта «НатУРАлист», демонстрирующий роль просвещения в снижении градуса конфликта. Орнитолог Елена Чернова в своем интервью указывала на позитивный опыт Беларуси в трансформации этого противостояния. Сравнительный анализ публикаций белорусского орнитолога Дениса Кителя и журналистки Натальи Пригодич, датированных 2016–

2017 годами, позволяет выявить синхронность возникновения публичного обсуждения «грачиного вопроса» в двух странах и городах. Именно в этот период в бузулукском паблике «Подслушано Бузулук» фиксируются первые массовые обсуждения, отражающие аналогичный социальный раскол. Однако конфликт был пройден двумя обществами по-разному: если в российском случае доминирующей реакцией остались практики отторжения, то в Беларуси был инициирован целенаправленный процесс институционального урегулирования, основанный на адаптации природоохранного законодательства и постепенного информирования жителей о важности сожительства.

Белорусский опыт демонстрирует возможность перехода от стадии спонтанного антропоцентрического отторжения к фазе осознанного управления сосуществованием через правовое регулирование и просветительские практики.

В небольших белорусских городах Малорита и Зябровка коммунальные службы действуют так же, как и в Бузулуке: вырубая деревья с гнездами в период гнездования, обрезая их под корень. Происходит идентичное социальное разделение на два лагеря: одни возмущены «вандализмом» и «варварством», другие требуют «избавить от надоедливых птиц», ссылаясь на помёт, шум и мифическую угрозу болезней («разносчики африканской чумы»). Однако системная работа природоохранных организаций и реакция законодателя изменила ситуацию. В Беларуси уже с 2017 года действуют законодательные изменения, серьёзно ужесточающие правила опиловки деревьев с гнездами грачей. Если ранее в Беларуси можно было уничтожать гнезда до 15 апреля, то теперь – только до 15 февраля, то есть до прилёта грачей. Это кардинально меняет ситуацию, защищая не только грачей, но и других птиц (например, ушастых сов), которые могут занимать их гнезда раньше.

Природоохранные организации создают работающие механизмы для их исполнения: горячие линии, четкие инструкции для граждан, как документировать нарушения (фото, видео, номера машин). Орнитологи ведут последовательную просветительскую работу, меняя нарратив. Они говорят не на языке сантиментов, а на языке фактов: «Это интеллектуальные птицы», они проявляют «родительскую заботу» в течение пяти месяцев. Они же предлагают простое и гениальное решение для конфликта: не уничтожать птиц, а обозначать зоны их скопления знаками и просто обходить их стороной, проявляя элементарную терпимость.

Вывод. Узнать другого: как знание превращает чужака в соседа

Мой личный опыт прекрасно иллюстрирует ключевой тезис орнитологов и волонтеров: просвещение и глубокое погружение в жизнь другого вида способны кардинально изменить восприятие, транс-

формируя раздражение в любопытство, а отторжение – в понимание.

Подобно многим бузулучанам, я ценила прогулки по аллее «Дружба», где весной приходилось буквально лавировать между деревьями, стараясь избежать неприятных «сюрпризов» сверху. Слушала соседские жалобы на постоянные крики птиц. Грачи воспринимались как неизбежная и раздражающая часть городского ландшафта, источник бытового дискомфорта.

Однако работа над исследованием стала актом глубокого погружения в инаковость. Изучение биологии *Corvus frugilegus*, их социальных связей и поведенческих паттернов позволило посмотреть на них по-другому. Шумное поведение перестало быть бессмысленным криком, а стало восприниматься как сложная система общения. Перемещения грачей по городу теперь читаются не как хаотичные перелеты, а как логичные маршруты между местами гнездования, кормежки и ночевки.

Этот переход от бытового неприятия к пониманию подтверждает мощный трансформационный потенциал знания. Наблюдение за грачами превратилось из источника раздражения в акт изучения жизни умных, адаптивных соседей, чей опыт кардинально отличается от человеческого, но от того не становится менее ценным. Личный опыт показывает, что конфликт часто рождается из-за не разрыва в восприятии и его преодоление через просвещение является ключом к этике сосуществования.

Источники

- Бёрдвотчинг: мост между горожанами и наукой. (2025, 11 августа). *Экоурбанист*. <https://ecourbanist.ru/ecology-health/byordvotching-most-mezhdu-gorozhana-mi-i-naukoj/>.
- Грачи прилетают: горожане жалуются, что птицы мешают им жить. Кар небесный. (2019, 1 марта). *СБ. Беларусь сегодня*. <https://www.sb.by/articles/kar-nebesnyu.html>.
- Китель, Д. (2017, 10 марта). В войне с грачами победителей нет. *Wildlife.by*. <https://wildlife.by/ecology/articles/v-voyne-s-grachami-pobediteley-net/>.
- Константинов, В.М., и Лебедев, И.Г. (2009). Изменение пространственно-этологической структуры популяций враковых при возрастании антропогенных воздействий. *Русский орнитологический журнал*, 18(517), 1780–1782.
- Мельникова, А.В. (2025). [Интервью с Т. Суржинской (Центр «Веста»), Е. Черновой (Союз охраны птиц России), Е. Исаевой (Центр «Воронье гнездо»)]. Неопубликованные данные.
- Нагель, Т. (2003). Каково быть летучей мышью? В Д. Хофштадтер & Д. Деннетт (Ред.), *Глаз разума* (с. 349–360). Самара: Бахрах-М.
- Надточий, А.С., и Зиоменко, С.К. (2013). К экологии грача *Corvus frugilegus* в Харькове. *Русский орнитологический журнал*, 22(894), 1793–1795.
- Никитина, Е.Б. (2024). Исследования животных: непослушные заметки по краям. *Антропологический форум*, (62), 123–150.
- Подслушано Бузулук. (2015–2025). [Анализ постов: анализ дискурса в группе]. Вконтакте.
- Пригодич, Н. (2016, 25 апреля). Грачи обалдели: в Зябровке жалуются на варварское уничтожение гнезд. *Имена*.

Союз охраны птиц России. (2025). *Грач – птица 2025 года*. <https://rbcu.ru/campaign/39238/>.

Союз охраны птиц России. (б. д.). *Новость о Всероссийском учете*. <https://rbcu.ru/news/39335/>.

de Waal, F. B. M. (1999). Anthropomorphism and anthropodenial: Consistency in our thinking about humans and other animals. *Philosophical Topics*, 27(1), 255–280.

Frank, B. (2016). Human–wildlife conflicts and the need to include tolerance and coexistence: An introductory comment. *Society & Natural Resources*, 29(6), 738–743.

iNaturalist. (б. д.). *Проект «Биота Оренбургской области»*. <https://www.inaturalist.org/projects/biota-orenburgskoy-oblasti-biota-of-orenburg-oblast>.

Jürgens, U. M. (2022). “I am wolf, I rule!” – Attributing intentions to animals in human–wildlife interactions. *Frontiers in Conservation Science*, 3, 803074.

Anna V. Melnikova, Independent Researcher, Specialist in Sociocultural Design, Local Identity, and the Revitalization of Cultural Heritage in Small Towns; Buzuluk, Russian Federation.
E-mail: anna.melnikova@mail.ru

Using the protracted conflict surrounding rook (*Corvus frugilegus*) colonies in the small Russian city of Buzuluk as a case study, this article investigates the problem of coexistence of human and non-human actors in an urbanized environment. The conflict is analyzed not merely as a narrow ecological or sanitary issue, but as an ontological gap and a value-based clash between anthropocentric and biocentric perceptions of the city. The theoretical framework relies on Thomas Nagel's essay "What Is It Like to Be a Bat?", which problematizes the impossibility of fully reducing another's experience, as well as concepts of agency, intentionality (Uta Jürgen), and the "conflict-coexistence" continuum (Béatrice Frank). The empirical basis consists of a digital ethnography of discussions in the local community group "Overheard in Buzuluk" (2015–2025), interviews with ornithologists and animal rights activists, and citizen science data. The study demonstrates that rooks have become an "object of discord" that exposes a deep ontological struggle for the right to define the city either as a space of total sanitary control or as a multi-species community. The article concludes that effective conflict management strategies require the recognition of the rooks' agency, environmental education, and a shift from a logic of eradication to an ethics of asymmetrical coexistence, rather than suppression by force. The key challenge for small Russian cities today is not to "solve the rook problem" once and for all, but to acknowledge the inevitability of this proximity and to transform the conflict from a point of tension into a resource for shaping a new, more responsible urban environmental policy.

Keywords: human-nonhuman animal conflict; human-wildlife coexistence; rook; urbanization; synanthropization; environmental ethics; intentionality; Buzuluk

Citation: Melnikova, A. (2026). The Rooks of Discord. *Urban Studies and*

References

- naturalist. (n.d.). *Proyekt "Biota Orenburgskoy oblasti"* [Project "Biota of the Orenburg region"]. <https://www.inaturalist.org/projects/biota-orenburgskoy-oblasti-biota-of-orenburg-oblast> (in Russian).
- Soyuz okhrany ptits Rossii [Russian Bird Conservation Union]. (2025). *Grach-ptitsa 2025 goda* [The rook – bird of the year 2025]. <https://rbcu.ru/campaign/39238/> (in Russian).
- Soyuz okhrany ptits Rossii [Russian Bird Conservation Union]. (n.d.). *Novost' o Vserossiyskom uchete* [News about the All-Russian census]. <https://rbcu.ru/news/39335/> (in Russian).
- Konstantinov, V.M., & Lebedev, I.G. (2009). Izmeneniye prostranstvenno-etologicheskoy struktury populyatsiy vranovykh pri vozrastanii antropogennykh vozdeystviy [Changes in the spatial and ethological structure of corvid populations under increasing anthropogenic impacts]. *Russkiy ornitologicheskiy zhurnal* [Russian Ornithological Journal], 18(517), 1780–1782 (in Russian).
- Nadtochiy, A.S., & Ziomenko, S.K. (2013). K ekologii gracha *Corvus frugilegus* v Khar'kove [On the ecology of the rook *Corvus frugilegus* in Kharkov]. *Russkiy ornitologicheskiy zhurnal* [Russian Ornithological Journal], 22(894), 1793–1795 (in Russian).
- Jürgens, U.M. (2022). "I am wolf, I rule!" – Attributing intentions to animals in human-wildlife interactions. *Frontiers in Conservation Science*, 3, 803074.
- Nagel, T. (2003). Kakovo byt' letuchey mysh'yu? [What is it like to be a bat?]. In D. Hofstadter & D. Dennett (Eds.), *Glaz razuma* [The mind's I] (pp. 349–360). Samara: Bakhrakh-M (in Russian).
- Frank, B. (2016). Human-wildlife conflicts and the need to include tolerance and coexistence: An introductory comment. *Society & Natural Resources*, 29(6), 738–743.
- Nikitina, E.B. (2024). Issledovaniya zhivotnykh: neposlushnyye zametki po krayam [Animal studies: Naughty notes on the margins]. *Antropologicheskiy forum* [Forum for Anthropology and Culture], (62), 123–150 (in Russian).
- Melnikova, A.V. (2025). [Interview with T. Surzhinskaya (Center "Vesta"), E. Chernova (Russian

- Bird Conservation Union),
E. Isaeva (Center "Voronye
Gnezdo"). Unpublished raw data
(in Russian).
- Podslushano Buzuluk. (2015–2025).
[Analiz postov: analiz diskursa
v gruppe] [Analysis of posts:
Discourse analysis in the group].
VKontakte (in Russian).
- Kitel', D. (2017, March 10). V voyne
s grachami pobediteley net [There
are no winners in the war with
rooks]. *Wildlife.by*. [https://wild-
life.by/ecology/
articles/v-voyne-s-grachami-pobe-
diteley-net/](https://wildlife.by/ecology/articles/v-voyne-s-grachami-pobediteley-net/) (in Russian).
- Prigodich, N. (2016, April 25).
Grachi obaldeli: v Zyabrovke zha-
luyutsya na varvarskoye unich-
tozheniye gnezd [The rooks have
gone crazy: Complaints in
Zyabrovka about the barbaric de-
struction of nests]. *Imena*.
<https://imenamag.by/posts/grachi-obaldeli> (in Russian).
- Grachi priletayut: gorozhane zha-
luyutsya, chto ptitsy meshayut im
zhit'. Kar nebesnyy [Rooks are ar-
riving: Citizens complain that the
birds interfere with their lives.
Heavenly caw/punishment]. (2019,
March 1). *SB. Belarus' segodnya*.
[https://www.sb.by/articles/kar-ne-
besnyy.html](https://www.sb.by/articles/kar-nebesnyy.html) (in Russian).
- Byordvotching: most mezhdu gorozha-
nami i naukoy [Birdwatching:
A bridge between citizens and sci-
ence]. (2025, August 11).
Ekourbanist. [https://ecourbanist.
ru/ecology-health/byordvotch-
ing-most-mezhdu-gorozhanami-i-nau-
koj/](https://ecourbanist.ru/ecology-health/byordvotching-most-mezhdu-gorozhanami-i-naukoj/) (in Russian).
- de Waal, F.B.M. (1999).
Anthropomorphism and anthropodeni-
al: Consistency in our thinking
about humans and other animals.
Philosophical Topics, 27(1),
255–280.

Приложение 1. Интервью

Резюме интервью с координатором АНО Центр помощи животным «Веста» (г. Бузулук) Татьяной Суржинской

С 2018 года в группе сообщества «Подслушано Бузулук» во «ВКонтакте» было опубликовано 4 поста. Обращений с просьбой пристроить выпавших птенцов грачей нет. Отчасти Татьяна это связывает с отсутствием возможности получить консультацию орнитологов в ближайших крупных городах – Самаре и Оренбурге. Но в большей степени Татьяна считает, что люди делают все возможное, чтобы истребить птиц в городе, и их число снижается – закрывают чердаки и крыши, не давая птицам возможности гнездиться. По наблюдениям Татьяны, раньше в городе было больше птиц. Она родилась и выросла в Бузулуке (ее детство пришлось на середину 1980-х годов) и хорошо помнит густые парки в городе, где гнездились много птиц. Татьяна работает в зоозащите с 2011 года и считает, что люди стали хуже относиться к птицам и животным в целом. А все, что мешает, люди стремятся уничтожить. В ее школе на уроках биологии детей учили различать птиц, а после школы водили на улицу и учили наблюдать за ними. Сейчас она не видит этого в школах и считает, что подрастающее поколение не будет гуманнее относиться к птицам.

Резюме интервью с сотрудником координационного центра Союза охраны птиц России, орнитологом Еленой Черновой

По мнению Елены Черновой, конфликта с грачами как такового не существует. Эксперт подчеркивает, что грач не конфликтная птица, люди его не интересуют, это самодостаточный и не агрессивный вид. Чернова считает, что раздражение людей направлено не на конкретный вид, а на любые проявления природы в городе. Орнитолог предупреждает: если не остановить процесс вытеснения природы, города превратятся в пустыни. Елена отмечает, что города, в которых есть грачевники, счастливые. По ее убеждению, людям надо радоваться тому, что рядом с ними живет еще один биологический вид, и воспринимать это как ценность.

В крупных городах наблюдается тенденция к тому, что грач исчезает: рубят деревья, высаживают газоны, не давая грачам возможности копать клювом в земле, птицам становится негде гнездиться, и они улетают. В городах грач ест отходы, в полях – вредителей. Если убрать его из города, то нарушится биологическая цепочка – если он исчезнет, то появятся микроорганизмы, которых раньше не было. По словам эксперта, звуковые отпугиватели не решают проблему: грачи привыкают к звуку и начинают его игнорировать. Громкие крики грача – это его способ общения и коммуникации, между собой они ведут вполне вежливый и связный разговор. Это умная птица. Как и у многих

высокоразвитых видов, их поведение опирается не столько на врожденные инстинкты, сколько на приобретенный опыт. Именно поэтому процесс обучения длится несколько месяцев: взрослые птицы долго учат птенцов добывать пищу. Период гнездования длится всего два с половиной месяца – ровно столько птицы постоянно находятся в гнездах. После этого они улетают, чтобы усиленно кормиться и накапливать жировые запасы. При этом эксперт отмечает, что пищевые привычки у разных стай могут отличаться, а сами птицы способны легко менять рацион. Эксперт считает странными обвинения в том, что грачи якобы выкидывают птенцов из гнезд. У грачей существуют строгие правила: в условиях дефицита кормовой базы птицы прекращают выкармливание потомства, тогда как при достаточных ресурсах они способны поддерживать больных и старых особей. По ее словам, между людьми и врановыми много общего – эти птицы обладают высоким интеллектом и зачатками самосознания. Город повлиял на птиц, сделав их умнее. Такое тесное соседство грача и человека длится тысячелетиями, со времен зарождения земледелия. По мнению эксперта, грач – высокоадаптивная птица: при вырубке деревьев он может начать гнездиться на опорах ЛЭП или на крышах зданий. Она отмечает, что для исчезновения грачей из города обычно требуется сочетание нескольких факторов, прежде всего полное лишение кормовой базы и мест гнездования. В качестве примера изменения отношения к этим птицам она приводит Беларусь. С ее точки зрения, забота о птицах формирует у людей более внимательное и ответственное отношение к живой природе.

Интервью с волонтером Центра помощи птицам «Воронье гнездо» (г. Москва) Еленой Исаевой

Есть ли тенденция гуманизации по отношению к птицам? Я явно вижу увеличение количества образованных людей, которые интересуются, читают. И сами мы тоже вносим посильный вклад в просвещение: читаем лекции, пишем статьи, постоянно где-то выступаем по этой теме. Люди начинают узнавать о птицах больше, больше ими интересоваться. И это приводит к тому, что те, кто очень заинтересован, включают в помощь птицам, начинают их поддерживать. А те, кому неинтересно, по крайней мере перестают им вредить – просто держатся подальше. Так что, я думаю, положительная тенденция определенно есть.

Что можно сделать, чтобы люди были терпимее. У нас в группе «Воронье гнездо» была небольшая статья на эту тему, правда, там речь шла о воронах – что делать, если воронье гнездо мешает. И мы придерживаемся той точки зрения, что в целом люди имеют право быть недовольными тем, что рядом с ними соседствуют умные шумные птицы, склонные к вандализму. Когда напротив квартиры висит гнездо серой вороны и в 5 утра птицы там безудержно орут – можно понять людей, которым это не нравится. Вопрос в том, как наиболее гуманно эту пробле-

му решать. То есть мы никогда не заставляем людей мучиться в ущерб себе, терпеть этих ворон, ждать, пока эти птицы закончат свой гнездовой сезон. Тем более что на следующий год они прилетят снова. Они и правда шумные. Я лично очень плохо переношу крики грачиных птенцов: именно их тембр для меня — самый неприятный из всех врановых, мне очень тяжело его слушать. Из-за этого я не люблю их выкармливать. А вот взрослые грачи кажутся мне более приятными птицами, чем вороны, — это мое личное, субъективное мнение. Они более спокойные, сдержанные, даже меланхоличные. А вот их бестолковых орущих детей мне переносить тяжело, честно скажу. Я им, конечно, буду помогать наравне с любыми другими птицами, если у меня на руках вдруг окажется грачонок. Но буду делать это без удовольствия. При этом у грачей агрессия к людям не так выражена, а вот серая ворона очень яростно защищает свое потомство. Поэтому, если это какое-то гнездо находится на территории детского сада, то от него, конечно, лучше избавиться. Потому что потом появятся слетки, маленькие дети будут бегать и гонять их. Родители-вороны начнут нападать на детей, а мамы этих детей — гонять ворон. В общем, в итоге все это плохо кончится, скорее всего, для самих птиц. Возможно, и для детей тоже. Поэтому мы советовали: если гнезда оказались в местах, где они явно будут кому-то сильно мешать или где у слетков вообще нет шансов выжить, лучше принимать меры. Например, если гнездо висит над оживленной трассой, мы понимаем, что птенцы будут выпадать прямо на дорогу и их жизнь там закончится неблагоприятно. Мы советовали избавляться от гнезд, то есть снимать их до того, как птицы прилетели. Если они уже отложили яйца — это еще полбеды, потому что яйца — это все-таки не вылупившиеся птенцы, и такое гнездо еще можно убрать. А вот когда там появляются птенцы, это становится настоящей проблемой. Поэтому если от гнезд избавляться, то делайте это с минимальным вредом для птиц в ранний весенний период, пока они еще не сели на кладку. Причем действовать нужно действительно рано, потому что врановые, как я уже говорила, начинают гнездиться одними из первых.

Почему мы должны терпеть грачей? Станет ли город хуже без них? Ну, первым делом в каком-то смысле мы должны «терпеть» всех. Любое живое существо появилось на этой планете не просто так. Существует такое понятие, как биоразнообразие, и работает оно по четкому правилу: чем богаче и разнообразнее флора и фауна, тем стабильнее экосистема.

Это работает и глобально в масштабах планеты, и локально в масштабах конкретных городов. Если те или иные виды птиц исчезают из своих исторически сложившихся ниш, это может очень пагубно сказаться на экосистеме в целом.

Если грачи исчезнут — станет больше ворон. А чрезмерное увеличение популяции ворон навредит им самим: потому что чем больше популяция,

тем выше ее плотность, а значит, тем быстрее передаются заболевания внутри вида. Растет смертность, повышается концентрация патогенов, и естественный отбор забирает больше птиц каждый год, потому что выше инфекционная нагрузка на организм. Грачи особо не мешают и особо не вредят.

Да, есть проблема: грачи могут вредить сельскохозяйственным посадкам. Но здесь сложно предложить однозначное решение, потому что истреблять их бессмысленно — всегда прилетят новые стаи, потому что грачей много. Травить их инсектицидами — тоже не выход. Недавно на юге, в районе Ростова или Краснодара, была страшная ситуация: обрабатывали поля ядами, из-за чего погибло множество грачей, журавлей и других краснокнижных видов. Пострадало и множество хищных животных, которые питались этими погибшими птицами. В общем, это была настоящая экологическая катастрофа, и так делать, конечно, нельзя. Грачи ничем не лучше и ничем не хуже любой другой птицы — глобально это вид, который играет свою роль.

Не говоря уже о том, что каждый конкретный грач тоже испытывает боль, хочет жить. Так что, в принципе, каждый человек отвечает на этот вопрос по-своему. Но если мы хотим как-то потеснить грачей, у нас должны быть на то очень веские причины — и они ни в коем случае не должны вести к истреблению птиц. Мне кажется, это единственно верный подход. Причем правильный не только с морально-этической точки зрения, но и в более глобальной перспективе — биологической и экологической.

Ну и опять же, обычно люди становятся сильно более терпимыми и заинтересованными, если им рассказывать про птиц. Просветительская работа — лекции, статьи, мастер-классы, выездные мероприятия — дает людям возможность понять, что грачи — невероятно умные создания. Они часто участвуют в исследованиях птичьего интеллекта и успешно проходят самые сложные тесты, которые для них разрабатывают ученые. На сегодняшний день на примере грачей собрано уже очень много важных научных данных об интеллекте врановых». Поскольку врановые — одна из самых интеллектуально развитых групп, то исследуют в основном их и попугаев. Грачи классные, они одни из самых комфортных для содержания в неволе врановых птиц: они отличаются спокойным, сдержанным, меланхоличным и очень разумным поведением.

В отличие от хаотичных серых ворон, которые очень пугливые и боятся всего нового (даже ручные, много лет живущие в неволе птицы шарахаются от резких звуков). Грачи в этом плане гораздо уравновешеннее. Они редко бывают агрессивны друг другу и даже к другим врановым, в том числе к более мелким. То есть, в принципе, это достаточно комфортная для содержания птица. Если найти с грачом общий язык, то, вероятно, эта связь сохранится на долгие годы, ведь, как и все врановые, живут они долго. Из грача получается замечательный, интересный и преданный пернатый друг.